

К Р О К О Д И Л

№ 30—31 МОСКВА 1944

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

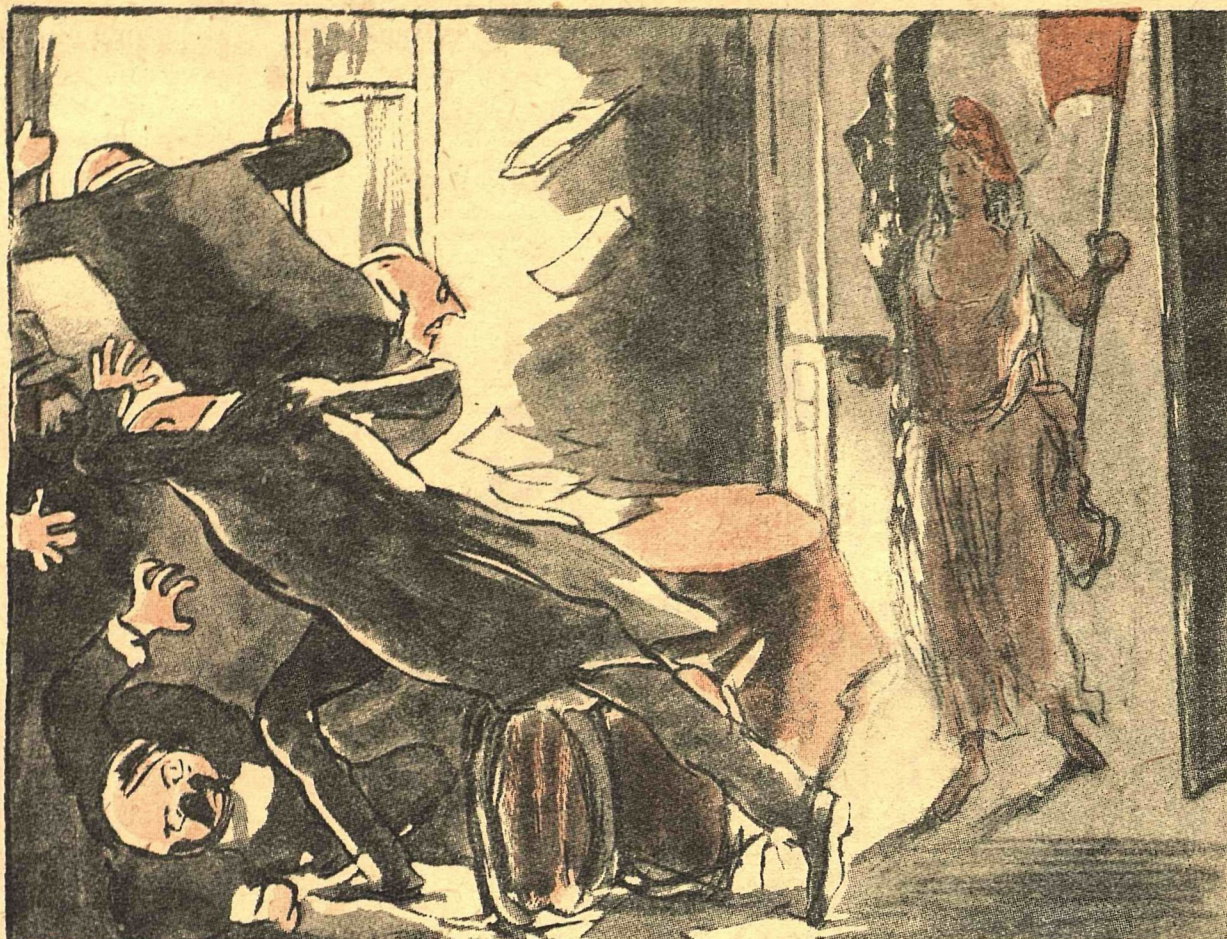
R 556/44r

Рис. Ю. Гинзбург

ЛЕС РУБЯТ — ЩЕПКИ ЛЕТАТ.

Рис. Л. Бродаты

Хозяйка вернулась!

ОТ СОБСТВЕННОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН. В порядке «тотальной мобилизации» все работники похоронных бюро отправлены на фронт, где свой опыт, накопленный в тылу, они должны с удесятёрённой энергией применить на фронте и надеяться, что фюрер позаботится и о них.

КЕНИГСБЕРГ. Во всей Восточной Пруссии настала осень. На Запад улетают герры и фрау. С Востока прилетели первые (а за ними — вторые, третьи и т. д.) русские снаряды.

СТОКГОЛЬМ. Местные обозреватели отмечают, что по причинам, не зависящим от германского командования, за Вислой протекает Одер, а за Сеной — Рейн.

Примечание редакции: Вислу уже форсировали, Сене — тоже.

ПАРИЖ. Покидая Францию, Лаваль сбрыл усы, чтобы, лобызая Гитлера, не щекотать его спины.

ЖЕНЕВА. Здесь (да и не только здесь) стало известно, что немецкие колбасники окончательно разочаровались во французской кухне.

Факир был прав ✓

БЫЛО приказано — срочно разыскать известного факира, волшебника, мага и жулика по имени Абдул-Надул-Шах-Эр-Махер.

Индусский чародей, говоривший по-немецки с сильным венгерским акцентом, предстал перед Гитлером. Присутствовавший при этом Гиммлер, галантно улыбаясь, представил их друг другу:

— Вы незнакомы? Фюрер. Факир.

Гитлер сразу приступил к делу:

— Вот что. У меня на Восточном фронте кое-какие осложнения...

— Восточная Пруссия! — выпалил факир, желая показать свою проницательность.

— Не совсем гладко у меня и во Франции...

— Париж! — произнёс факир.

— Откуда вы всё это знаете? — удивился Гитлер.

— Это моя профессия, — скромно потупил глаза, сказал Абдул-Надул-Шах-Эр-Махер.

— А воскрешать мёртвых умеете?

— Моё любимое занятие.

— Вот за этим я вас и пригласил. Необходимо воскресить несколько отборных немецких дивизий.

— К сожалению, в таких масштабах не тренировался. Не было подходящей площадки. Воскрешаю только одиночек:

— И то хлеб! У меня сейчас самым дефицитным товаром являются генералы. Не эссовские, а настоящие. Сможете оживить десяток — другой?

— Убитых на фронте, — вставил Гиммлер.

— Это для меня раз плюнуть! — сказал факир. — Называйте имена.

— Генерал-лейтенант Гофмансталь. Убит под Сталинградом.

— С удовольствием. Но... не советую.

— Почему?

— Под Сталинградом... Сами понимаете... Много знает...

— Факир прав, — сказал Гиммлер.

— Следующий — генерал от инфантерии фон Кутц. Убит в Бобруйском котле.

— С удовольствием. Но... я на вашем месте не воскрешал бы его. Он ещё потом будет трепаться о белорусском прорыве.

— Ну его! — резюмировал Гиммлер.

— Следующий — генерал от артиллерии фон Каналиус. Угроблен под Вязьмой.

— Это тогда, когда там командовал фон Бек? — спросил факир, нажимая на слова «фон Бек».

— Да.

— Могу, конечно. Но... вы уверены в нём?

— Отпадает! — резюмировал Гиммлер.

Перебрали ещё штук пятнадцать мёртвых генералов. Но против каждой кандидатуры факир выставлял отвод. Гиммлер поддакивал, награждая факира милостивыми улыбками.

— Да, — сказал Гитлер после некоторого раздумья. — Без них плохо, а с ними, может, ещё хуже будет. Вы правы, герр Абдул-Надул и так далее... Лучше с ними не связываться. Никого не надо воскрешать! Я не хочу! Я запрещаю!

— Воля ваша, — смиренно ответил факир. — А то могу. Мне это раз плюнуть. Имею даже рекомендации и отзывы.

— Нет, нет, нет! — испуганно закричал Гитлер. — Ни в коем случае. Я не хочу! Я... я... я...

— Можете идти, господин факир, — шепнул Гиммлер. — Спасибо за консультацию. Пока!

Когда факир вышел, Гитлер кинулся к Гиммлеру:

— Опасный субъект. А что если он захочет кого-нибудь воскресить? А?

— Ему придётся начать с самого себя.

И Гиммлер потёр ладонь о ладонь: руки чесались.

Г. РЫКЛИН

Уважение к нейтралитету

СЧАСТЛИВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

— Ну, и везёт же вам, Франц! По счастливой случайности бомба угодила в вашу квартиру в три часа ночи, как раз в то время, когда ваша Лотта уходит к начальнику нашего штурмового отряда господину Фохту. Иначе, приехав в отпуск, вы не увидели бы её.

КОРОТКИЙ РАССКАЗ

— Ганс, расскажи что-нибудь, из ряда вон выходящее.

— После русской артподготовки из ряда вон вышел я, потом — ефрейтор Гробке, потом — весь наш батальон.

В ЧЕТЫРЕХМЕСТНОМ купе пяти пассажиров было тесновато. Но что поделаешь: и в нейтральной Швейцарии приходится мириться с некоторыми неудобствами военного времени. Однако не это было главной неприятностью, особенно для двух французов, которых судьба сделала невольными спутниками трёх немцев.

Кто они, пассажиры купе?

Фрау Хлиппке и её двадцатилетняя дочь фрейлен Хлиппке охотно променяли оригинальный вид руин берлинских улиц на более приятные взору швейцарские ландшафты. С обменом нужно было спешить: очередная сверхтотальная мобилизация подбиралась к самой фрау Хлиппке несмотря на её 60 лет.

Не очень грустила о разлуке с «фатерландом» фрейлен Хлиппке. Она искренно была убеждена, что горный воздух Швейцарии минимум в два раза благоприятнее для цвета её лица, чем воздух любого завода.

Что касается их соотечественника господина фон Вюрстенмана — одноглазого, но в очках немца, с лицом, перекрещенным в разных направлениях шрамами, как покрывающая футбольного мяча швами, — то он сохранил, 50 процентов имевшихся у него при рождении глаз. Единственный глаз фон Вюрстенмана был близорук и видел только на 50 процентов его проектной мощности.

Таким образом, как в этом убеждает простой арифметический подсчёт, 25 процентов зрения фон Вюрстенман сохранил, а это более чем достаточно сегодня для бравого немецкого солдата. Скажем прямо, с некоторых пор фон Вюрстенман считал, что штатский костюм идёт ему гораздо более, чем военный мундир. И, не дожидаясь мобилизационной повестки, он добился научной командировки для изучения дикорастущих видов горной флоры, хотя в ботанике был настолько слаб, что с трудом отличал фиюра от простой дубины.

Но здесь, в безопасном купе, одноглазый без передышки болтал о своих подвигах на фронте, где он никогда не бывал. От одного его вида бежали целые французские дивизии, он один взял в плен — сколько бы вы думали французов? Сто? Тысячу? Не менее десяти тысяч! Безудержно давая волю своей фантазии, он громил и поносил Францию, французов, французскую культуру.

Чванливое хвастовство немца были вынуждены слушать два французских студента, бежавших из Франции, чтобы не быть угнанными на германскую каторгу. А фон Вюрстенман всё более наглед.

— Французы? — брызжа слюной, изрекал он. — Да разве это полноценные люди?..

Поезд неожиданно нырнул в туннель. И вдруг в темноте раздался сочный звук поцелуя и вслед за ним — треск увесистой пощёчины. Туннель оказался коротким, и так же неожиданно поезд вынырнул на дневной свет. На лицах четырёх пассажиров было написано полное удовольствие, за исключением пятого — одного из французов, лицо которого выражало безграничное недоумение. Все улыбались, все знали, что случилось, и только он один ничего не понимал. И только через час, когда на одной из станций немцы покинули купе, второй француз рассеял это недоумение:

— Ты, Шарль, не понимаешь, что произошло: кто кого поцеловал, кто кого ударил и, главное, почему все улыбались? А между тем всё обстояло очень просто. Мамаша улыбалась от гордости за расовую добродетель дочки. Она, видишь ли, предполагала, что кто-то из нас, пользуясь темнотой, поцеловал её и получил за это затрещину. Дочка улыбалась, потому что считала, что в темноте кто-то ошибившись адресом, вместо неё по ошибке наградил поцелуем мамашу, получив взамен оплеуху. Кривой и заштопанный немецкий идиот сделал ту же логическую ошибку, что и старуха-немка. Он подумал, что кто-то из французов соблазнился поцеловать чистопородную арийку, а она этого не могла стерпеть

и ответила пощёчиной. Правда, по ошибке вместо француза она ударила по морде его, немца, но он не сомневался, что пощёчина предназначалась одному из нас, а потому был доволен и тоже улыбался. Ну, а если улыбался и был доволен немец, то у меня было к тому не меньше оснований. Посуди сам: в темноте я поцеловал собственную левую руку, а правой дал наглому бошу по морде. Меня давно тянуло к этому, но я не мог доставить себе такого удовольствия из уважения к швейцарскому нейтралитету. Всё-таки мы здесь гости и должны уважать хозяев. А в туннеле всё устроилось к общему удовольствию...

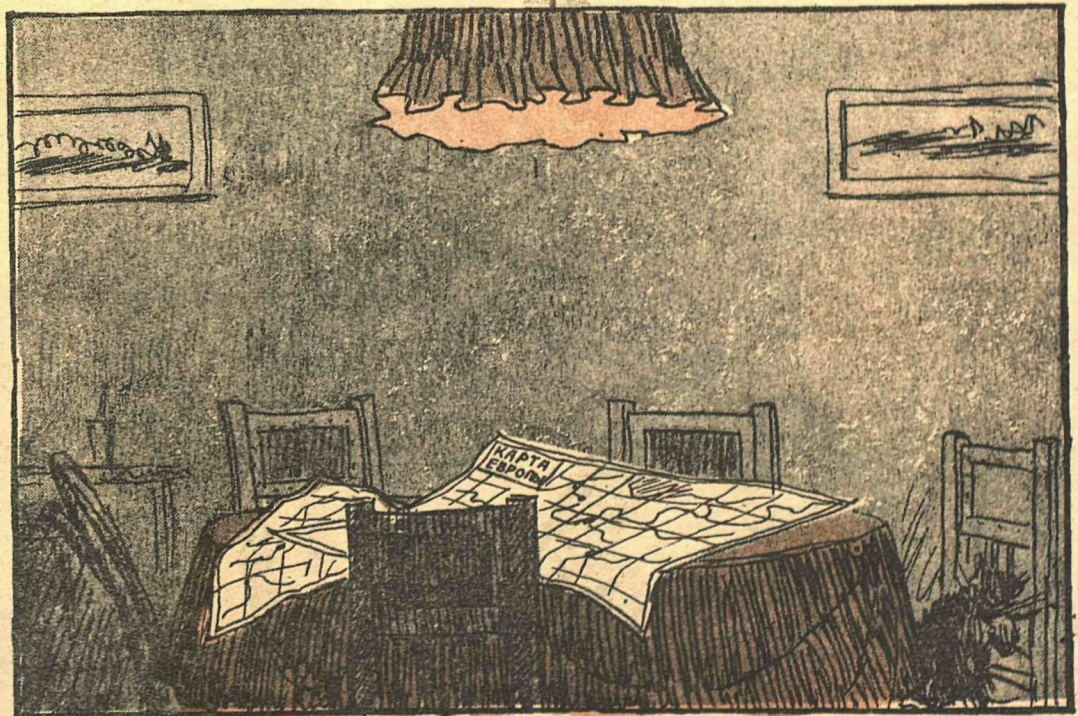
К. ПОДКОВКИН

ПОЛУНОЧНИКИ

Рис. И. Семёнова

— Вот засиделись за картами!.. Спать пора!..

ДРУЗЬЯМ - ТОВАРИЩАМ

Вот куда свой взор ни брошу я, —
Всюду истина одна:
Есть во всём своя хорошая
И плохая сторона.

Взять войну:
Кругом опасности,
То в тебя летит снаряд,
Или с неба — ясной ясности —
Бомбы ухают подряд.

Или мина разрывается,
Или пуля запоёт.
Это всё, что называется,
Нам покоя не даёт.

Тут походы неминуемые,
Путь огромен и суров...
Но война во многих случаях
Лучше всяких докторов!

Если только вы припомните,
То, бывало, сколько раз
В нашем доме, в нашей комнате
Что-нибудь да мучит нас.

То нагрянет боль сердечная,
То пристанет дифтерит,
То желудочно-кишечное
С нами шутку сотворит.

А пришла пора военная —
Всё, как есть, наоборот:
Неустанные, степенные
Мы уже другой народ!

Ветер лютый, стужа лютая
Нас хотят согнуть в дугу.
Мы одетые, обутые
Спим, как боги, на снегу.

Нас томит ненастье, длинное —
Ни проехать, ни пройти,

Но как витязи былинные
Мы находимся в пути..

Мы идём на полной скорости,
Где угодно — всё равно...
И были наши хворости
Улетучились давно.

Полземли пешком исхожено
Средь морозов и ветров...
Но военный, как положено,
Ловок, весел и здоров!

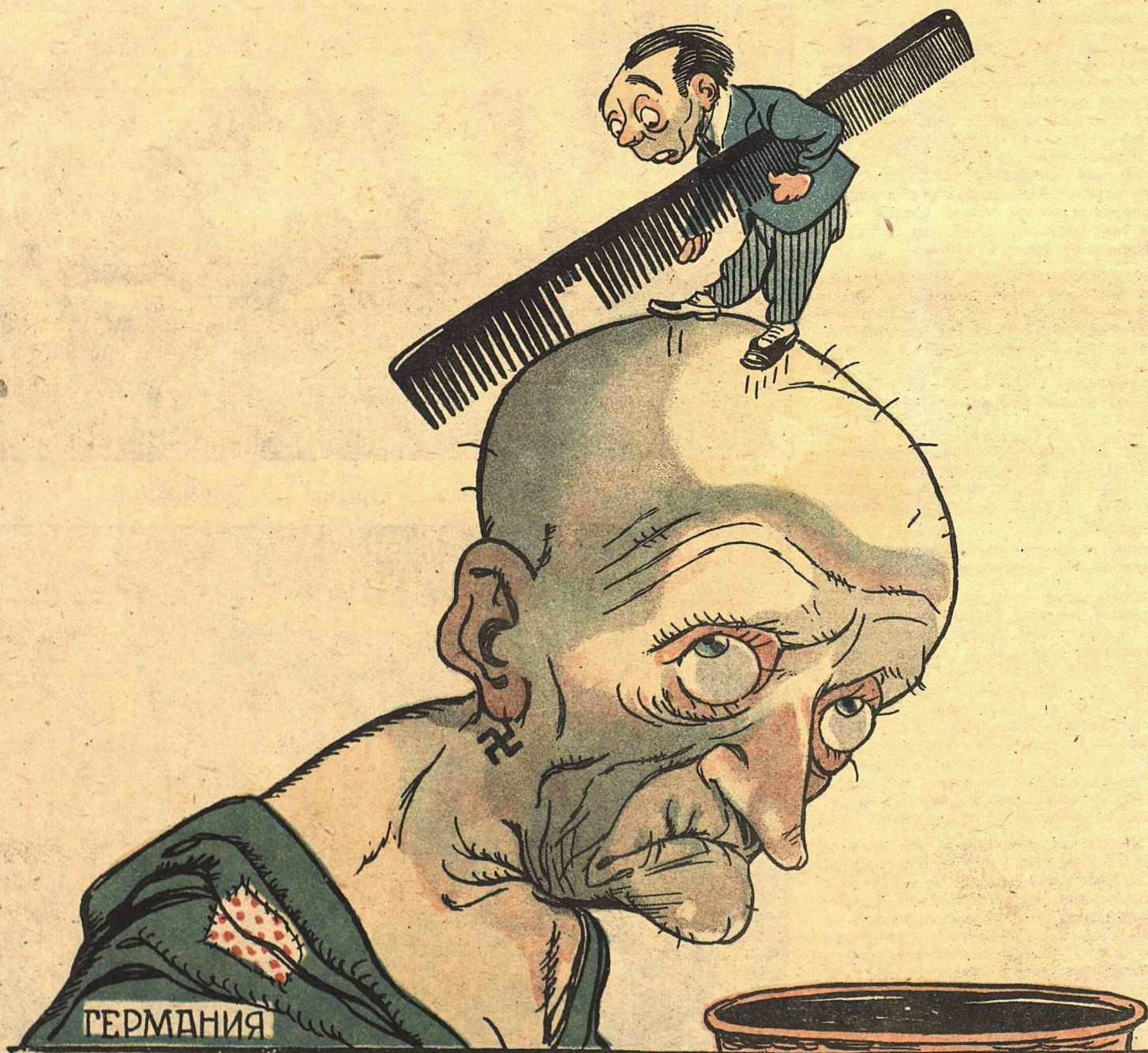
И таким, скажу для ясности,
Стал из нас почти любой.
И такими стали, в частности,
Ты да я, да мы с тобой.

Сергей СМЕРНОВ.

Действующая армия.

Рис. Ю. Ганфа

ТОТАЛЬНЫЕ УСИЛИЯ

— Что прочёсывать? Я давно уже пострижена наголо.

Тотальная-прощальная

Г ОВОРЯТ, что каждые семь лет у человека немножко меняется характер. Прибавляются кое-какие дурные привычки, убавляются кое-какие хорошие. Или наоборот.

У Фридриха Штейса характер подвергся изменению по принципу семилеток уже девять раз. И привычек у него накопилось гораздо больше, чем это нужно в такое беспокойное время. Например он любил сидеть у раскрытого окна и ждать почтальона. Почтальон, маленький и морщинистый, как гриб сморчок, проходил мимо, говорил «Гутен морген» и клал на подоконник газету, журнал или письмо.

Сегодня почтальон остановился у окна и вместо «Гутен морген» сказал «Ауф видерзеен».

— Почему? — удивился Фридрих Штейс.

— Потому что тотальная-прощальная. В городе остаётся одно почтовое отделение, все остальные закрываются. За корреспонденцией будете ходить сами. А мы — на войну.

— Что же вы будете там делать? — продолжал удивляться Штейс.

Почтальон пошевелил морщинами:

— Не знаю. Думаю, что буду действовать по специальности. Скажем, в мой адрес послана русская пуля, а я как-нибудь изловчусь и переадресую её своему обер-лейтенанту.

Другой привычкой была парикмахерская. Старый, опытный мастер так ловко зачёсывал оборочки крашенных волос на лысину, что получалось даже нечто похожее на что-то красивое. Когда Штейс вошёл в парикмахерскую, мастер как раз снимал с себя халат:

— Ауф видерзеен. Или скорее: лебен зи воль — прощайте!

— Тотальная?

— Прощальная.

— Но что же вы там будете делать?

— Я боюсь, что мне не удастся заняться по специальности. Знаете поговорку: «Снявши голову, по волосам не плачут»? С успехом можно сказать: «Потерявши голову, о причёске не думают».

Оба нечаянно взглянули на стенку, где висел чубатый портрет, отражаясь в зеркалах и бутылках.

Вкоренившейся привычкой был также мольный оператор. Он встретился Фридриху Штейсу на улице с рюкзаком на спине и обречённостью на лице.

— Неужели лебен зи воль?!

— Яволь!

Затем Штейсу попались на пути глухой портной, у которого он шил добрых тридцать лет, хромой сапожник, старый капельдинер из театра, официант из ресторана. Ресторан закрылся, театр — тоже. Сапожник и портной вывесили на дверях туманные объявления о том, что «Закрыто вплоть до открытия».

— Лебен зи воль! Тотальная-прощальная!

Фридрих Штейс пришёл домой, сел за стол и стал писать. Черновик хранил следы холодного пота и горьких слёз:

«О, мой фюрер! Я хочу вам открыть глаза! Может быть, вам не видно оттуда (Штейс хотел написать «сверху», но подумал, что фюрер гораздо чаще отсиживается где-нибудь глубоко внизу, однако писать «снизу» было неловко)... оттуда, что значит «тотальная-прощальная»? Умоляю вас, бросьте ретроспективный взгляд в будущее и представьте себе, как будет выглядеть обыкновенный немец примерно через год при существующем положении вещей. Вот он идёт по улице. Длинные космы седых волос и бороды развеваются по ветру (стричь-то некому, красить-то некому!). Одежда его изнасилась (шить-то некому и не из чего!), и за неимением классического фигового листка он употребляет листок газетный. Но этот листок такой давности и так широко вещает о планах великой Германии и о её победах, что неприличнее его уже ничего быть не может...»

Но письмо не попало по адресу. Может быть, оттого, что все почтальоны были уже

мобилизованы? Впрочем, оно всё же попало в гестапо, а вслед за ним — и сам Штейс.

— Вы знаете, что самое глупое в вашем письме? — спросили его — Самое глупое — то, что вы предлагаете фюреру взглянуть, что будет через год.

Штейса присудили к повешению.

«Вот она когда «прощальная»! — было последней мыслью Штейса, а последним выражением его долготелных привычек был кивок в сторону вешавшего его соотечественника:

— Ауф видерзеен. До свиданья, до скорого!

В. КАРБОВСКАЯ

СРЕДИ НЕМЕЦКИХ ГЕНЕРАЛОВ

— Сколько времени вы командовали дивизией под Бухарестом?

— Не знаю. Я не смотрел на часы.

КОРОТКО И ЯСНО

— Господин унтер-офицер, если меня убьют на Восточном фронте...

— А при чём тут «если»? Солдат должен изъясняться кратко, без лишних слов!

НЕ ДО ТОГО

— Слушаете ли вы радиообзоры генерала Дитмара, фрау Марта?

— Что вы, фрау Гильда! Я по мужу траурношу, а вы хотите, чтобы я анекдоты слушала.

ПЕСЕНКА САПОЖНИКА

Когда помотришь всесторонне,
Пройдя десятки вёрст и рек,
Сапожник в каждом батальоне —
Необходимый человек.

Легки в разведке и в походе,
В большом пути не жмут ноги,
По всем фронтам сегодня ходят
Моей работы сапоги.

Шагал с бойцами запеваля,
Брал города, спускался с гор,
Шёл по России без привала
И даже ноги не натёр.

Шёл, не боясь воды и пыли,
Под шум дождя и свист пурги.
Его нигде не подводили
Моей работы сапоги.

На кратковременной стоянке
Их посушить не позабудь.
Перемогай, боец, портянки,
Надень шинель — и снова в путь.

Всё ближе славная година,
Всё громче твёрдые шаги,
Дойдут до самого Берлина
Моей работы сапоги!

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Действующая армия.

ДОСТИЖЕНИЯ ГИММЛЕРА

Рис. К. Елисева

— Я могу доказать, что любой эсэсовский генерал выше других немецких генералов на целую голову.

НИКОЛАЙ Иванович Новожилов, инженер, работник большого оборонного института, придя поздно вечером домой с работы, заметил, что с его женой Анечкой что-то случилось. Анечка была томная, рассеянная и, видимо, о чём-то напряжённо думала.

Супруги сели ужинать, и когда Анечка, задумчиво глядя на потолок, положила себе в стакан с чаем полную ложку горчицы и стала её размешивать, инженер не выдержал.

— Что с тобой, Аня?

— Ничего!.. А что?

— Ты же горчицу в чай положила!

— Разве? Я думала, что это перец... То есть сахар!

— Ты можешь сказать, что с тобой стряслось?

Анечка загадочно усмехнулась, испытующе посмотрела на мужа, вылила в полоскательницу испорченный чай и сказала с лёгким вздохом:

— Ничего не стряслось!

— Но я же вижу, что стряслось! Ни с того, ни с сего люди горчицу в чай не кладут!..

— Что ты пристал ко мне с этой горчицей, как лавровый лист!

— Надо говорить «как банный лист», а не «как лавровый»!

— Всё равно!.. Другой сам давно бы обо всём догадался!

Инженер рассердился:

— Мне, матушка, некогда догадываться! Тем более, что я даже не знаю, в каком направлении я должен... догадываться. Я человек перегруженный. Если ты хорошая жена, ты должна просто, ясно, без этих вот горчичных демонстраций сказать мужу, что тебя волнует и беспокоит.

Анечка снова загадочно усмехнулась, пожала плечиками и сказала, вдруг переходя на «вы»:

— Жена!.. Какая же я вам, собственно, жена, Николай Иванович?

— Здравствуйте!.. А кто же ты мне?!.. Внучатая племянница, что ли?! Слава богу, двенадцать лет живём!

— Вот именно—двенадцать!— бурно заговорила Анечка.— Другой давно бы, прочитав Указ, догадался сам предложить сходить в загс! Все уже, между прочим, ходили в загс— оформили отношения: и Курочкины, и Гурские. У нас на работе Аделаида Евгеньевна, совсем старушка, и та ходила регистрироваться со своим старичком! Потому что она не хочет, чтобы внуки считали её... незаконной бабушкой!

Николай Иванович встал из-за стола, подошёл к жене. Анечкины щёки горели румянцем сильного смущения:

— И вот это тебя волновало?— мягко спросил инженер.— Неужели нельзя было просто мне об этом напомнить?..

— Я всё-таки женщина, Николай Иванович!— гордо сказала Анечка.— Мне неудобно вам... напоминать!..

Инженер расхохотался:

— Аня, ты положительно дурёха!.. Да пойдём хоть сейчас в загс!

— Сейчас, Колючка, загс закрыт. Пойдём завтра утром. Хорошо?..

— Завтра утром я не могу. У меня срочная работа!

— Ну, послезавтра!

— И послезавтра не могу!.. Вот, может быть, на той неделе!

— Ну, так я и знала!— возмущилась Анечка.— С тобой ещё двенадцать лет придётся ждать! Тогда уж прямо на катафалке поедем в загс оформлять отношения! Завтра утром идём— и слышать больше ничего не хочу! Я

у себя на работе предупредила, что опоздаю!

— Честное слово, я не могу завтра!..

— И слышать же хочу!.. Имей в виду, Колючка, если завтра не пойдём в загс, я с тобой... все следующие двенадцать лет не буду разговаривать!

Николай Иванович поднял руки кверху и сказал:

— Сдаюсь! Завтра утром пойдём жениться!

...Утром была чудесная погода: много солнца и лёгкий свежий ветерок в лицо.

Анечка надела новый голубой костюм и была такая хорошенькая, что прохожие оглядывались и улыбались ей вслед. А Николай Иванович шёл рядом с женой, небритый, с пузатым портфелем подмышкой, в старой, мятой кепке и ворчал:

— Ей богу, Аня, я сегодня не могу жениться! Меня же ждуть... Дойдём до трамвая, и я поеду, ей богу!..

Но Анечка крепко держала его за рукав пиджака и говорила:

— Никуда ты не поедешь. И лучше—молчи!

А сама думала с горечью:

«Даже побриться не догадался ради такого дня!..»

В приёмной загса сидела небольшая очередь жаждущих скрепить свой любовный союз узами закона, и Николай Иванович снова заворчал, заявив, что он не намерен проваливать доклад замнаркому из-за регистрации брака двенадцатилетней давности, но Анечка была неумолима. Они спорили горячим шопотом. Все в очереди стали улыбаться, а один молодой лейтенант сделал строгое лицо и сказал:

— Граждане, если вы решили разводиться, надо это делать выдержанно и культурно!

...Наконец процедура регистрации была совершена; супруги вышли из загса и вместе пошли к трамвайной остановке. Взволнованная, взбудораженная Анечка шла, тесно прижавшись к Николаю Ивановичу, и уже не замечала, что он небрит, а виски у него совсем седые и костюм сидит мешком. Ей казалось, что рядом с ней идёт тот, прежний Коля Новожилов, красивый студент, ловкий теннисист и танцор, с которым она целовалась, возвращаясь тёмными уютными арбатскими переулками домой с весёлых вечеринок.

Они поровнялись с будкой, в которой сидела толстая сонная девица, похожая на деревянную белугу с витрины рыбного магазина.

Девица торговала искусственными цветами—этими ужасными бумажными розами и сатиновыми ландышами, при одном взгляде на которые становится грустно и холодно на душе.

Николай Иванович с любопытством стал осматривать скучный товар сонной девицы, и Анечка снова заволновалась.

«Господи,— тревожно подумала она,— если он мне сейчас подарит бумажный цветочек, я разревусь, как дура. И немедленно с ним разведусь!..»

Но Николай Иванович нашёл как раз то, что нужно: среди мёртвых роз и ландышей живым красным огнём горел пучок свежей гвоздики.

— Последний!— сказала девица.— Ваше счастье!..

Николай Иванович расплатился с девицей, взял цветы и с церемонным поклоном подал букет Анечке.

— С законным браком!— сказал Николай Иванович озорным голосом Коли Новожилова.— Примите, сударыня, от молодожёна.

Леонид ЛЕНЧ

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Прости меня заранее за то, что я задам тебе каверзный вопрос: «Что такое бездействующий телефон и для чего он существует?»

Начальник Миусского телефонного узла в Москве Постнов распорядился выключить телефон в нашей квартире за ненадобностью. Ходатайства командования части, где я служу, и части, где служит муж сестры, не помогли. Наш телефон, видите ли, потребовался, по словам Постнова, для «одной воинской части», которая при ближайшем рассмотрении оказалась обыкновенной штатской личностью.

После долгих хлопот Постнов смилостивился и пообещал включить телефон, как только кончится война.

Так и бездействует у нас телефонный аппарат с января до сих пор. Но, странное дело, бездействуя, он приобрёл новое качество: телефон превратился в телевизор. Глядя на него, я отлично вижу, что делается в кабинете директора Миусского телефонного узла Постнова. В частности мне отлично видно, как Постнов окружает своим вниманием семьи военнослужащих. По секрету скажу: зрелище не из приятных.

Олег ГОЛЫШЕВ,
инженер-майор войск НКВД

Москва.

Дорогой Крокодил!

У гражданина Кутового была корова. Он её любил. Она же, будучи по натуре невоздержанной в пище, наелась как-то люцерны и скоропостижно рассталась с жизнью.

Убитый горем Кутовой сварил из дорогой покойницы мыло и не без выгоды продал его на базаре.

Однако вырученные деньги не успокоили осиротевшего Кутового. И вот в миллеровском суде возникает дело против тов. Кривошапки, сторожа грунтового участка контрольно-семенной лаборатории: он, мол, виноват в гибели злосчастной коровы.

Оказывается, эта самая корова, наевшись люцерны, забрела на грунтовой участок, где и отдала богу душу в присутствии сторожа Кривошапки.

Суд, не долго думая (вернее, совсем не думая), присудил взыскать с Кривошапки 12 500 рублей в пользу пострадавшего Кутового за притупление бдительности. Следи, чтобы чужие коровы, нажавшись люцерной, не дошли на твоих глазах!

Так мудро разрешено было дело о гибели коровы, мир праху её!

КАПИТАНОВА,
заведующая контрольно-семенной лабораторией

Миллерово.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА. Одновременно с письмом тов. Капитановой мы получили письмо от гвардии подполковника Дорофеева (полевая почта 08693), в части которого служит сын тов. Кривошапки. Подполковник Дорофеев просит нас помочь старику Кривошапке и выступить в защиту семьи фронтовика.

Ох, товарищ подполковник, боимся мы это делать! А вдруг миллеровский суд обвинит и нас: почему, дескать, Крокодил не доглядел за коровой?

Уважаемый Крокодил!

Я порядком истоптал свои сапоги, прежде чем получил в Кулябском торговом отделе ордера на детские чулки для своих ребят. Не прошло и шести месяцев, как заведующий торговельным делом выдал мне долгожданный ордер.

Сверхдеятельные натуры

В ОСТАШКОВЕ хотят снести торговые ряды. Снос торговых рядов — отправной пункт в генеральном плане реконструкции города.

У авторов плана ещё нет единой точки зрения насчёт того, что будет на месте снятых торговых рядов.

Одни хотят устроить шикарную площадь. Другие настаивают на том, что Осташков должен иметь свои Елисейские поля.

Но независимо от будущего участь торговых рядов окончательно решена.

Местные власти слегка озадачены трудностями в осуществлении плана сноса торговых рядов. Пугают размеры: ряды простираются на десятки саженей вдоль базарной площади. Удручает и крепость каменной кладки.

Выходит, что снос торговых построек — дело сложное, трудное, дорогое. Тем не менее приговор памятнику торгового капитализма вынесен и будет приводиться в исполнение незамедлительно.

Но если торговые ряды будут снесены, где же будет производиться торговля?

Этот вопрос, хотя он и отдаёт обывательским ехидством, учтён правителями города. Не только учтён, но уже получил и практическое разрешение.

Торговая жизнь города Осташкова в значительной степени сосредоточена ныне в здании Драматического театра.

Долгие годы существует Осташковский театр. В летописи его много ярких и сильных страниц. Но, пожалуй, самой сочной страницей в истории театра является передача его в полное владение двух хозяйственных предприятий. Сии предприятия — районный промышленный комбинат, во-первых, и районный пищевой комбинат, во-вторых.

Целый год полновластно распоряжаются эти два предприятия театральным зданием. За это время в театре не поставлено ни одной пьесы. Собирались ставить пьесу Островского «Не в свои сани не садись», но новые хозяева театра усмотрели в пьесе некий злостный намёк и запретили постановку её. Вообще же они считают, что Островский — неподходящая статья для театра. Более доходная статья — танцевальные вечера. Каждый вечер в театральном зале происходит танцы. Театральный зал подвергся реконструкции в связи со своим новым назначением.

На танцевальных вечерах в Драматическом театре пишекомбинат бойко торгует квасом и морсом.

Говорят, что райпищепрому и райпрому очень понравилась роль владельцев театрального наследства в Осташкове. Войдя во вкус, они претендуют на здание другого культурного учреждения — Краеведческого музея. Музея в Осташкове сейчас нет. Часть экспонатов в начале войны была вывезена в Калязин. Назрело время вернуть экспонаты домой, но вот беда: слишком много дорог связывают Осташков с Калязином. Правители города не решили, какой путь предпочесть для эвакуации: шоссейный, водный, железнодорожный? Часть музейного имущества осталась в самом Осташкове, но она в глазах горсовета не имеет большой ценности. О ней говорят образным языком бухгалтерии: «Музейного имущества в денежном выражении осталось на три тысячи рублей». Стоит ли толковать всерьёз о такой мелочи? Да у нас райпищепром и райпром выгонят эти три тысячи рублей за один танцевальный вечер!

В то время, когда в горсовете строятся полуфантастические планы реконструкции Осташкова, когда возникают головокружительные проекты разрушения с одной стороны и созидания — с другой; в то время когда градоправители, оторвавшись от осташковской земли, устремились в облака маниловских мечтаний, — в это время жизнь города Осташкова изобилует досадными явлениями, свидетельствующими о бескультурье, запущенности, безхозяйственности.

Даже стойкие люди не закрепляют своих позиций в номерах городской гостиницы: клоп выгоняет их. Человек, побывавший в гостинице, устремляется в баню. Баня находится на берегу озера Селигер. Озеро Селигер богато водой. Воды этой хватило у озера на матушку-Волгу (здесь истоки великой реки), но вот в бане остро ощущается недостаток воды, и вымыться человеку в Осташкове — целая проблема.

Проблем в Осташкове стало много. Электростанция, не дающая света, газета, не выходящая вовремя, рыбхоз, не дающий рыбы, парки, отданные во власть козам, переулки, движение по которым осложняется кучами мусора и поверженными заборами...

Справиться с этими проблемами было бы вполне по силам простым, не отмеченным печатью гения деятелям — нужно только пошевелить мозгами да приложить руки. Но в Осташкове горсовет простыми деятелями оскудел. Их места заняты сверхдеятельными натурами. Отсюда все качества.

И. РЯБОВ, С. ВЕРНОВ

Осташково, Калининской области.

Но в магазине, куда я поспешил за чувяками, меня озорчили: ордера, мол, недействительны, так как они подписаны и выданы заведующим торговделом, который сдал дела и ныне покинул гостеприимный град Куляб.

Помчался я тогда к вновь назначенному завторготделом и прошу обменять ордера. А тот вытаращил на меня удивлённые глаза и брянул: «Эти ордера можете порвать. А другие выдадим при первой возможности».

Так я и не получил пока ордеров на чувяки. И я боюсь, как бы со мной опять не сыграли злую шутку: ордер мне когда-нибудь выдадут, но где гарантия, что и этого завторготделом не снимут?

Не можешь ли ты по такому случаю убедить Наркомторг Таджикистана, чтоб он не снимал кулябского завторготделом, пока тот не выдаст мне ордеров на чувяки и я эти ордера не реализую?

К. СМЕРНОВ,
инвалид Отечественной войны

Город Куляб, Таджикской ССР.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

✚ В № 8 Крокодил напечатал заметку о том, что председатель Грозненского горсовета Матышев использовал автомобиль «скорой помощи» для собственных нужд и совершал поездки по городу.

Матышев с работы снят.

✚ Старшина И. Пурлов прислал с фронта письмо, что к ним в часть прислали бракованные гитары, изготовленные звенигородской артелью «Коопермузыка». В ответ на письмо тов. Пурлова, опубликованное в № 11—12 Крокодила, прокуратура Московской области сообщила, что артелью приняты меры к улучшению качества гитар. Начальник отдела тех-

нического контроля Филиппов снят с работы.

✚ В № 17 Крокодил поместил фельетон «Шатры у горы Магнитной», о том, как многочисленные «толкачи» по несколько месяцев торчат на Магнитогорском металлургическом комбинате

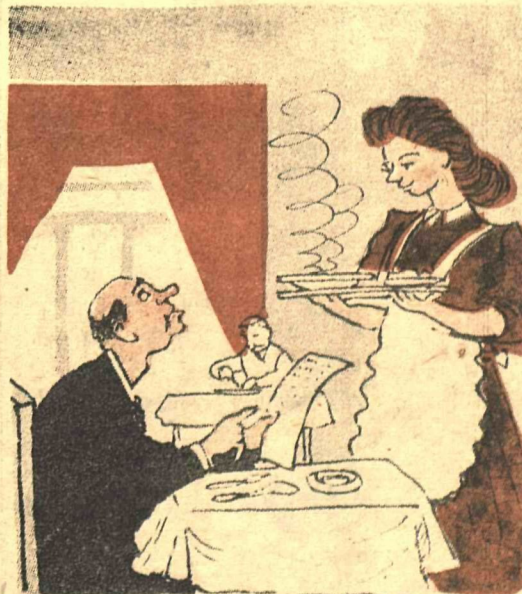
В связи с фельетоном Наркомчермет предложил директору комбината запретить прописку в гостинице, не допускать на завод всех без

исключения «толкачей», кроме постоянных уполномоченных основных наркоматов, допущенных специальными постановлениями и распоряжениями правительств.

✚ Сухоложский горсовет не обеспечил минувшей зимой своей школы топливом. По заметке, опубликованной в Крокодиле, председатель исполкома Сухоложского горсовета Басс снят с работы.

ЧЕМ КОРМЯТ

Рис. А. Капеловского.

ДИРЕКТОР СТОЛОВОЙ: — Который раз хожу, а у конферансье всё одни и те же блюда!..

КОНФЕРАНСЬЕ: — Который раз хожу, а в столовой всё один и тот же репертуар!

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП (б) «Правда».

Москва. Изд. № 518.

Подписано к печати 2/IX 1944 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. вл. в 1 печ. л. 78 000.

А 5269.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2026. Тираж 100.000 экз.

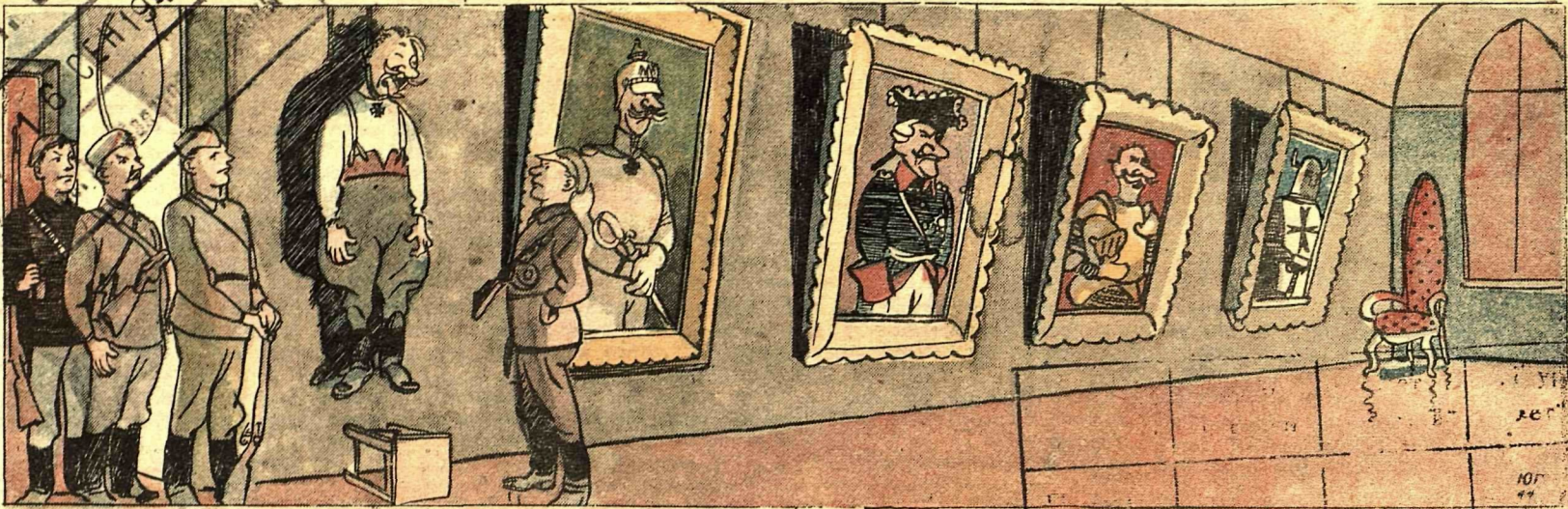

Рис. Ю. Ганфа

ПОСЛЕДНИЙ ЭКСПОНАТ

Портретная галерея баронов фон Катценямер пополнена новым экспонатом, повешенным партизанами Латвии.

Уч.
Лег.
Юг.
44
18/IX-44
в арх.

Рис. К. Елисева *

НА ДНЕ

(Новая постановка ансамбля прибалтийских моряков).

Рис. И. Семёнова

НА АЭРОДРОМЕ В ТРАНСИЛЬВАНИИ

— Местов нет!.. Самолёт не резиновый!..

38
44